

УДК 930.85

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03

**Е. А. Токарева<sup>(1)</sup>**

## **Историческая память, практики коммемораций и современная политическая история**

В статье исследуется проблема поиска новой роли и места категории исторической памяти в историко-политическом дискурсе современной России. Отдельно рассмотрены практики коммемораций, свойственные российскому информационному пространству, выражающие политику памяти. Автор, отмечая изменение динамики коммеморации, указывает, что мемориальная модель возоблудала над исторической.

Ключевые слова: историческая память; политика памяти; историческая политика; коммеморации; дискурс.

Для цитирования: Токарева Е. А. Историческая память, практики коммемораций и современная политическая история // Вестник МГПУ. Серия «Филозофские науки». 2021. № 3 (39). С. 28–36. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03

<sup>(1)</sup> *Токарева Елена Анатольевна* — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук МГПУ.

Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.

E-mail: TokarevaEA@mgpu.ru

UDK 930.85

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03

**Elena A. Tokareva<sup>(1)</sup>**

## **Historical Memory, Commemoration Practices, and Contemporary Political History**

The article examines the problem of finding a new role and place of the category of historical memory in the historical and political discourse of modern Russia. Separately, we consider the practices of commemorations peculiar to the Russian information space, expressing the policy of memory. The author, noting the change in the dynamics of memory, points out that the memorial model has prevailed over the historical one.

Keywords: historical memory; politics of memory; historical politics; commemorations; discourse.

For citation: Tokareva, E. A. (2021). Istoricheskaya pamyat', praktiki kommemoracij i sovremennaya politicheskaya istoriya [Historical Memory, Practices of Commemorations and Modern Political History]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 28–36. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03

- <sup>(1)</sup> *Tokareva Elena Anatolievna* — PhD (History), Associate Professor, associate professor of the Department of National History of the Institute for Human Sciences. Moscow City University, 2nd Selskohosyaystvenny proezd, 4, Moscow, 129226, Russia. E-mail: TokarevaEA@mgpu.ru

**К** исходу второго десятилетия XXI века в мире все отчетливее стали проявляться противоречивые последствия глобализации, во многом рассматриваемые в негативном ракурсе их понимания и восприятия обществом. Особенностью этого сложного цивилизационного процесса является нарастающий кризис в духовной сфере, который ставит под угрозу саму возможность сохранения и воспроизводства локальных местных культур, размывая, по сути, национальную идентичность народов и подрывая суверенитет государства. Этим объясняется особый пристальный интерес к проблематике исторической памяти и практике коммемораций со стороны как государства, так и общества.

Рассматривая этот вопрос в контексте современной ситуации в России, обусловленной внутренними и внешними условиями, необходимо использовать понятия «политика исторической памяти» и «историческая политика» для обозначения всей сферы публичных дискуссий в отношении прошлого, т. е. концептуализации, практик коммеморации и построения целостной картины понимания истории. Согласно А. Миллеру, историческая политика — это конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» (Миллер, 2012, с. 19). Как отмечает О. Ю. Малинова, политики чаще всего оперируют свернутыми нарративами, отсылающими аудиторию к материалу, известному по другим источникам. «Соперничающие» нарративы об одном и том же коллективном прошлом отличаются тем, как выстраиваются перспективные связи между событиями и какие звенья исторической цепи «вспоминаются» и (пере)осмысливаются, а какие — намеренно упускаются (Малинова, 2017). Предлагая определенные интерпретации коллективного прошлого, представители властвующей элиты преследуют, как правило, политические цели. По этой причине термины «историческая политика» и «политика памяти» не всегда подходят для описания практики политического использования прошлого. Последнее понятие шире предыдущих, оно описывает любые практики обращения к прошлому в политическом контексте вне зависимости от того, складываются ли они в последовательную стратегию (Малинова, 2015).

В последние годы изучение исторической памяти находится в центре внимания не только среди наиболее активно развивающихся направлений исторических исследований, но также наблюдается возрастающий интерес к этой категории в историко-политическом дискурсе современной России. Это прежде

всего научные исследования данной проблематики в работах А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, А. Дюкова.

Если обратиться к генезису этой категории в историческом контексте, то сама память является мнемоническим парафразом понятия «воспоминания», что позволяет их связать с коллективным бессознательным нарративом, который некоторым образом связывает общность людей на определенной территории общими духовными ценностями и восприятием собственной истории.

Интерес к внеличной памяти (в данном случае она связана с исторической памятью) возникает в отечественной психологической науке в 1970–1980-е годы. Так, В. А. Ребрин (1974), используя термин «социальная память», определяет ее как осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире (Емельянова, 2019, с. 65).

«К коммеморациям относятся мемориалы, монументы, публичные праздники, юбилеи, похороны и т. п. Как правило, в литературе коммеморативные практики рассматриваются фокусно, т. е. в привязке к практикам мобилизации памяти о конкретном событии, что нашло понимание в рамках концепции “мест памяти” П. Нора» (Ростовцев, Сосницкий, 2014, с. 111). Как отмечал в свое время П. Нора, «сама динамика коммеморации совершенно изменилась. Мемориальная модель возобладала над исторической, что сделало новым — непредсказуемым и капризным — обращение с прошлым. Прошлое утратило свой органичный, безапелляционный и принудительный характер. Имеет значение не то, что прошлое накладывает на нас, а лишь то, что в него вкладывают» (Нора и др., 1999, с. 112).

В России за последние три десятилетия произошла смена парадигмы от отрицания советского прошлого к осторожному принятию и обновлению его как органической части исторической памяти страны, необходимой в качестве формы естественного самовыражения собственной национальной идентичности, крайне необходимой для современного общества постправды. Такое принятие никоим образом не означает полного согласия с основными его нарративами, однако предполагает необходимость признания этого прошлого как части нашей истории со всеми ее противоречивыми страницами.

Здесь необходимо четко понимать, на чем базируется современное общество постправды и какова роль этого явления в формировании постпамяти. Постпамять (от *англ.* *postmemory*) — это механизм передачи травматического знания и материализованного опыта последующим поколениям. Здесь можно в целом принять утверждение Е. И. Красильниковой и И. А. Вальдмана, что через ценностное отношение к прошлому общество решает проблемы самоопределения и поиска путей развития в будущем. Поэтому актуальным становится формирование критической, научно обоснованной позиции в отношении публичных коммемораций, выражающих политику памяти (Красильникова, Вальдман, 2020, с. 48). В России политика памяти сегодня наиболее явно проявляется

в отношении признания значимых событий для политических субъектов, а также в публичных коммеморативных практиках (памятных мероприятиях, торжествах и мероприятиях государственного уровня). Здесь важно обозначить точные контуры новой роли и места исторической памяти как теоретической категории в современном отечественном историко-политическом дискурсе, обозначить, чем она является для социума на современном этапе развития государства и общества. Как отмечает Ю. А. Сафронова, «выйдя за пределы академического мира, память превратилась в повод и орудие для конфликтов, как в рамках локальных сообществ, так и за их пределами — внутри обществ, государств, на арене международной политики и т. д.» (Сафронова, 2018, с. 12).

Пропагандистское использование истории прошлого для формирования национальной идентичности и оправдания нынешней политики далеко не новость или практика, которую можно отнести исключительно по отношению к России. Однако «войны памяти», которые Россия ведет последние несколько лет с соседними государствами в Восточной Европе, в дополнение к существующим напряженным отношениям между Москвой, Вашингтоном и Брюсселем, повышают актуальность анализа российского политического дискурса, который в последние годы также транслировался на международном уровне через такие СМИ, как *Russia Today* и *Sputnik*, что значительно усилило его потенциальное влияние (Vázquez-Liñán, 2017).

Сегодня необходимо обратить внимание на тот факт, что при передаче исторической памяти важную роль играют эмоциональные механизмы эмпатии, связанные с новейшими мультимедийными технологиями формирования образа прошлого. Следует указать, что «основные установки медиатехнологической обработки массового сознания посредством дискурсов постправды и постпамяти нацелены на замещение рационально-логических компонентов в мышлении публики эффектами эмоциональных потрясений и чувственных переживаний. В итоге производство впечатлений становится для технологов постправды и постистории более значимыми факторами, чем научное изучение реальной доказательной базы» (Русакова, Русаков, 2019, с. 17).

Здесь можно привести множество примеров использования современных пиар и медиатехнологий, характерных для эпохи постправды, которые подменяют серьезный научный и историко-политический дискурс проблемы памяти в межгосударственных отношениях России и ряда стран Восточной Европы и Прибалтики. Наиболее явным примером является манипуляция историческими событиями, последовавшими после подписания пакта Молотова-Риббентропа, и при этом сознательное умалчивание Мюнхенского сговора.

Если рассматривать текущий формат исторического развития России, который происходит в условиях нарастающей конфронтации с коллективным Западом, то нам представляется важным концепт памяти как сопротивления в целях сохранения целостности и национальной идентичности страны. При этом в такой конфронтации историческая память часто используется Западом как инструмент для изменения ментальности и разобщения на постсоветском пространстве.

Задача отечественных историков заключается в правильном его парировании путем полноценного использования интеллектуального ресурса исторической памяти как теоретической категории и коммеморативной практики в современном историко-политическом дискурсе.

По сути, этот процесс перемещается в информационное пространство, где его труднее всего отследить и направить в правильное русло. Наиболее наглядный пример — это отечественная и отчасти зарубежная кинематография. Это и очень спорный с исторической точки зрения фильм «Сволочи» (2006), получивший в 2007 году премию MTV Russia Movie Awards в номинации «За лучший фильм». Это целая серия документально-игровых фильмов А. Пивоварова, показанных в эфире федерального телеканала: «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова» (2009); «Москва. Осень. 41-й» (2009); «Брест. Крепостные герои» (2010); «Вторая ударная. Преданная армия Власова» (2011); «22 июня. Роковые решения» (2011); «Отечественная. Великая» (2011). Фильмы содержат исторические неточности и ошибки, а также дают новую трактовку целому ряду знаковых событий Великой Отечественной войны, что видно уже по их названиям (например, «Брест. Крепостные герои»). В таком же ключе снят художественный фильм «Служу Советскому Союзу», премьера которого прошла 22 июня 2012 года на федеральном телеканале. Это далеко не все примеры подобных информационных атак последнего десятилетия (осознанные это атаки или случайные — вопрос открытый). Из наиболее нашумевших событий — опрос на телеканале «Дождь» на тему «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?», прошедший 26 января 2014 года, накануне семидесятилетия полного снятия блокады Ленинграда (Лейман, 2018, с. 410).

Пандемия COVID-19, затронувшая весь мир, внесла свои коррективы и привела к изменению, а также появлению новых информационно-коммуникационных форматов публичных коммеморативных практик, связанных с исторической памятью. В особенности это проявилось в 2020 году, который богат на значимые для отечественной истории памятные даты.

В целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов Указом Президента Российской Федерации от 08.07.2019 № 327 2020 год объявлен в России Годом памяти и славы. Этому событию уделяется внимание как в России, так и на международном уровне. В то время как наследие Великой Отечественной войны занимает важное место в исторической памяти России, многие воспоминания о войне и коммунистическом прошлом намного сильнее различаются в Восточной Европе. Эти сложные и противоречивые исторические нарративы, более известные как «войны памяти», пересекаются с нынешним геополитическим разделением и усугубляют уже существующую напряженность между странами.

Среди множества событий 2020 года, связанных с «войнами памяти» отдельно следует выделить дипломатический конфликт между Россией и Чехией, возникший вследствие демонтажа властями Праги 3 апреля 2020 года памятника маршалу Ивану Коневу. Значительный резонанс также вызвало

принятие Сеймом Польши 9 января 2020 года резолюции, где четко обозначено, что основными виновниками развязывания Второй мировой войны являются два тоталитарных государства — гитлеровская Германия и Советский Союз. Ранее до этого 22 июня 2017 года сейм Польши также принял закон о сносе памятников солдатам Красной армии, освободившим Польшу от фашистов (в памятный день скорби для многих людей на постсоветском пространстве).

В публичном информационном пространстве среди наиболее значимых коммерциальных мероприятий, посвященных Году памяти и славы, следует выделить проект «Дорога памяти», организованный с целью увековечения памяти погибших при защите Отечества. Также сюда можно отнести всенародный исторический проект «Лица Победы» по созданию крупнейшего депозитария данных, отражающего роль каждого, кто внес свой вклад в Великую Победу. В мультимедийном пространстве запущен Всероссийский кинопоказ военных фильмов «Великое кино Великой страны», всероссийский проект форум «Эстафета поколений», посвященный 75-летию Великой Победы и многие другие мероприятия, которые должны помочь сблечь нашу память об этом.

Таким образом, в сложившихся международных условиях преодолевая полученный посттравматический шок от распада СССР и последовавшего в этот период кризиса идентичности, ведется поиск новой роли исторической памяти и ее места в концепте национальной идентичности страны в рамках продолжающегося многие годы историко-политического дискурса. Здесь важное значение продолжают занимать практики коммеморации, которые не всегда являются адекватным ответом на те вызовы, для которых они предназначены. Уделяя много внимания коммеморации, которая увековечивала День победы над фашистской Германией, из поля зрения почти пропал такой же День победы над милитаристской Японией, хотя по значимости он имел не меньшее значение для исторической памяти нашей страны.

При этом, трудно не согласиться с точкой зрения Г. Горновой, по мнению которой современные практики коммеморации приводят к тому, что в коллективной памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании усиленно подкрепляется дискурс триумфа и всячески нивелируется дискурс коллективной травмы (Горнова, 2017). Например, огромные людские потери нашего народа являются символом его мужества и самоотверженности. В то же время, акцентируя внимание на этом, провластные структуры тем самым вызывают критику относительно соизмеримости понесенных жертв войны достигнутыми целями, их целесообразность. Это вызывает в обществе острый дискурс.

Из-за сложившейся ситуации в контексте осознанного принятия новой доктрины исторической политики видится несколько выходов. Во-первых, это возможность задействования ресурса публичной истории. Некоторые спорные моменты, связанные с исторической памятью, следует переводить из плоскости политического дискурса в публичное пространство для выработки качественно иной позиции, которая позволит сгладить наиболее острые углы восприятия отечественной истории.

Во-вторых, современные практики коммеморации следует строить на принципах бережного обращения к прошлому и построению качественно другой мемориальной политики, которая позволит своевременно найти приемлемые для всех заинтересованных сторон ответы на актуальные вопросы современности. Это, в частности, касается снижения уровня конфликтности в межкультурной коммуникации по вопросам, связанным с противоречивыми границами как отечественной, так и мировой истории, улучшения межстрановых отношений, укрепления политической стабильности в стране и мире. Наиболее удачный пример такой политики — отношения с Финляндией, нормализация отношений с Венгрией.

Итак, политика исторической памяти в последние десятилетия стала неотъемлемой частью историко-политического дискурса в странах бывшего посткоммунистического блока. Политические потрясения, войны и репрессии, обрушившиеся на эти страны в XX веке, оставили после себя неизгладимый след и множество вопросов, на которые до сих пор нет однозначных ответов.

Сегодня многие страны используют историю как оружие против других в попытке получить от этого политические выгоды, а законодательные органы принимают часто противоречивые законы о памяти, определяющие, что можно, а что нельзя говорить о прошлом, вызывая бурю международной критики. По мере того как политические институты формируют всеобъемлющие нарративы национальной памяти, граждане этих стран изо всех сил пытаются заполнить пробелы в понимании своей истории, которая очень часто окрашена сложными и трагическими событиями прошлого.

В отличие от стран бывшего восточного блока, где для решения многих проблем, связанных с исторической памятью, были созданы отдельные национальные институты памяти, улицы и города были переименованы, что часто было против воли некоторых их жителей, старые памятники сносили, а также произошло возвеличивание новых национальных героев, что вызвало кризис в международных отношениях, Россия пошла другим путем. Этот путь во многом вобрал в себя идею преемственности истории и исторической памяти, сохранения общего исторического наследия и преодоления исторических ошибок прошлого на основе диалога и взаимного уважения разных мнений в современном историко-политическом дискурсе. При этом современные практики коммемораций являются стратегическим инструментом поддержания политики памяти как основы сохранения его национальной идентичности и преемственности передачи исторической памяти между разными поколениями.

### Литература

- Горнова Г. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные исследования». 2017. № 2. С. 18–21.
- Дюков А. Историческая политика или политическая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.

- Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. 299 с.
- Красильникова Е. И., Вальдман И. А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2020. № 26 (1). С. 47–54.
- Лейман И. И. Историческая память как объект информационной атаки // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: сб. тр. Всерос. науч. конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. В. Ш. Сабирова; СибГУТИ. Новосибирск, 2018. С. 407–414.
- Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 207 с.
- Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // ПОЛИТИЯ. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
- Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
- Нора П., Озуф Ж. де Пюимеж М., Винок М. Франция — память / пер. с фр. Д. Хапаевой, научн. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.
- Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106–126.
- Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Дискурс-Пи. 2019. № 2 (35). С. 10–26.
- Сафронова Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с. С. 11–26.
- Vázquez-Liñán M. Historical memory and political propaganda in the Russian Federation // *Communist and Post-Communist Studies*. 2017. № 50 (2). P. 77–86. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2017.05.004

### References

- Gornova, G. (2017). Kollektivnaya pamyat` i praktiki kommemoracii v formirovanii gorodskoj identichnosti [Collective memory and practices of commemoration in the formation of city identity]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarny`e issledovaniya» [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research Series]*, 2, 18–21. [in Rus.].
- Dyukov, A. (2010). Istoricheskaya politika ili politicheskaya pamyat` [Historical politics or political memory]. *Mezhdunarodnaya zhizn` [International Life]*, 1, 133–148. [in Rus.].
- Emel`yanova, T. P. (2019). *Kollektivnaya pamyat` o soby`tyax otechestvennoj istorii: social`no-psixologicheskij podxod [Collective memory of the events of Russian history: socio-psychological approach]*. Moscow: In-t psixologii RAN. 299 p. [in Rus.].

- Krasil'nikova, E. I., & Val'dman, I. A. (2020). Politika pamyati: istoricheskie simvol'y i kommеморативny'e praktiki v sisteme social'no-politicheskoy samoregulyacii Sibirskogo regiona v XX – nachale XXI vv. [Memory policy: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Siberian region in the 20th – early 21st centuries]. *Vestnik Samarskogo un-ta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology], 26 (1), 47–54. [in Rus.].
- Lejman, I. I. (2018). Istoricheskaya pamyat' kak ob'ekt informacionnoj ataki [Historical memory as an object of information attack]. In: Sabirov V. Sh. (Ed.). *Informacionny'e vojny' kak bor'ba geopoliticheskix protivnikov, civilizacij i razlichny'x e'tosov: sb. tr. Vseros. nauch. konferencii (g. Novosibirsk, 26–27 aprelya 2018 g.)* [Information wars as a struggle of geopolitical opponents, civilizations and various ethos: Collection of Articles of the All-Russian Scientific Conference (Novosibirsk, April 26–27, 2018)] (p. 407–414). Novosibirsk: SibGUTI. 820 p. [in Rus.].
- Malinova, O. Yu. (2015). *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lity' i dilemmy' rossijskoj identichnosti* [The current past: the symbolic policies of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya. 207 p. [in Rus.].
- Malinova, O. Yu. (2017). Kommеморациya istoricheskix soby'tij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of historical events as an instrument of symbolic policy: the possibilities of comparative analysis]. *POLITEIA*, 4 (87), 6–22. [in Rus.].
- Miller, A. I. (2012). Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI veka [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI century]. In: Miller A., Lipman M. (Eds). *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical politics in the XXI century]: Collection of Articles (p. 7–32). Moscow: Novoe lit. obozrenie. [in Rus.].
- Nora, P., Ozuf, Zh. de Pyuimezh M., & Vinok, M. (1999). Franciya — pamyat' [France — memory] (translated from French D. Khapaeva, scientific translation consultant N. Koposov). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 328 p. [in Rus.].
- Rostovcev, E. A., & Sosnickij, D. A. (2014). Napravleniya issledovanij istoricheskoy pamyati v Rossii [Directions of research of historical memory in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta* [Bulletin of the St. Petersburg University], series 2, 2, 106–126. [in Rus.].
- Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2019). Diskurs postpravdy' kak mediatexnologiya politiki postpamyati [Post-Truth Discourse as a Media Technology of Post-memory Politics]. *Discourse-Pi*, 2 (35), 1–26. [in Rus.].
- Safronova, Yu. A. (2018). Memory studies: e'volyuciya, problematika i institucional'noe razvitie [Memory studies: evolution, problematics and institutional development]. In: Miller A. I., Efremenko D. V. (Eds). *Metodologicheskie voprosy' izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]: Collection of Articles (p. 11–26). M.; SPb.: Nestor-Istoriya. 224 p. [in Rus.].
- Vázquez-Liñán, M. (2017). Historical memory and political propaganda in the Russian Federation. *Communist and Post-Communist Studies*, 50 (2), 77–86. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2017.05.004